

## Об именах

Я изменила имена исторических личностей для облегчения восприятия, так как у некоторых персонажей имена и фамилии совпадают или звучат похоже друг на друга.

Вот перечень имен, которые я использовала в романе, и их написание в исторических документах.

Госпожа Бастианс — Мария Шепенс  
Преподобный Бастианс — Гисберт Бастианс  
Юдит Бастианс — Юдит Гисбертс  
Будевин — Будевин ван дер Мейлен  
Господин Корнелис — Эронимус Корнелис  
Господин Франс — Франс Янс  
Капрал Габриэль — Габриэль Якобс  
Вибер Хайес — Виббе Хайес  
Конрад ван Хюссен — Кунрат ван Хюссен  
Шкипер Якобс — Ариан Якобс  
Лауренция — Лауренция Томас  
Лукреция Янс — Лукреция Янс  
Командор Пелсарт — Франциско Пелсарт  
Вибрет — Вибрехт Клас  
Званни — Званти Хендрикс



## Тесс

— Самолет уже выехал из ангара, — сотрудница чартерной авиакомпании выдала мне документы и приветливо улыбнулась. — Хорошего полета.

Я поблагодарила ее, положила еще теплый лист бумаги в сумочку между корешком билета коммерческой авиакомпании и чеками из такси, взяла сумки и вышла из офиса. Стеклопанная дверь за моей спиной задрезжала под порывом ветра. Я оглянулась и вздрогнула, удивившись своему отражению, которое в последний раз видела на рассвете в зеркале спальни; мне почему-то казалось, что путешествие на четыреста километров к северу в незнакомые края должно было изменить меня сильнее, а я отделалась лишь складками на джинсовых шортах и мятой футболкой. Я купила в аэропорту очки «Рэй-Бэн», но их пришлось использовать не для защиты от солнца, а в качестве ободка для волос: джералдтонские ветра оказались неожиданно сильными.

Я пересекла автомобильную парковку и подошла к белому самолету «Сессна» с двумя яркими красными полосками; он стоял у огромного ангара и напоминал игрушечный. Я замедлила шаг.

Из-за носа самолета выглянул мужчина. На нем была отглаженная форма пилота, но неряшливые седые кудри и обветренное лицо портили весь вид.

— Это вы летите на Аброльос?

Я протянула ему правую руку.

— Да. Я Тесс.

— Майк Фогель. — Он крепко пожал мою ладонь и улыбнулся. — Давайте возьму ваш багаж. Садитесь.

Он приподнял щиток багажного отделения возле открытой двери в кабину и поместил туда мой самый большой рюкзак. Я села на пассажирское кресло и растерянно уставилась на циферблаты, кнопки и рычажки — в тесной кабине их было не счесть. Перед креслами располагался маленький черный штурвал, похожий на джойстик для видеоигр.

Я оглянулась на офис авиакомпании. На меня равнодушно уставились непрозрачные окна, будто говоря: «Да, ты здесь. Тебе это не снится. Доведи дело до конца».

Майк сел в самолет и начал проверять оборудование. Протянул мне наушники с гарнитурой, протестировал свой микрофон и показал, как застегивать на бедрах широкие ремни безопасности. Плечи плотно фиксировались отдельным ремнем.

Жесткие курчавые волосы Майка примялись под наушниками. Вокруг глаз расползались морщинки, как линии на карте. Мускулистые руки, переключавшие рычажки, загорели дочерна.

— Не волнуйтесь, Тесс, я давно летаю.

— Давно летаете вообще или именно на Аброльос? — уточнила я и разжала кулаки.

— И вообще, и на Аброльос. В юности летал на сельскохозяйственных самолетах, опрыскивал поля. Потом перешел в эту чартерную компанию. Тогда у меня еще не было ни седины, ни морщин. — Он посмеялся над собственной шуткой. А мне показалось, что Майк принадлежит к тому типу людей, которые, как губка, впитывают жизненный опыт.

Он поставил галочку в предполетном чек-листе и добавил:

— «Фогель» по-голландски — птица, так что карьера пилота была для меня, можно сказать, предрешена, — он сунул папку в узкую нишу и огляделся. — Что ж, полетели.

Он нажал на рычаг и повернул ряд больших переключателей. Нас качнуло вперед, пропеллер жалобно взвыл и закашлялся, его лопасти начали вращаться и превратились в смазанный круг.

Мы проехали немного и остановились у черты. Кабину наполнил рев двигателя, и мы покатались по взлетно-посадочной полосе, набирая скорость. Нос самолета взмыл вверх, земля осталась внизу, а с ней и весь мир. Я схватилась за сиденье и выпалила короткое слово, которое точно не понравилось бы моему отцу.

Мы пролетали над зелеными и бурыми полями. Ближе к побережью под нами раскинулось лоскутное одеяло дорог и крыш. Я увидела внизу порт Джералдтона, рыболовную гавань и полосатый маяк, похожий на шахматную фигуру, сдвинутую на самый край полуострова. А дальше до самого горизонта простирался океан, словно темно-синий ковер, усыпанный яркими пятнами солнечных бликов.

Я снимала на телефон и услышала в наушниках голос Майка: тот говорил по интеркому.

— Пытаюсь угадать, что привело вас на Аброльос. Курортный сезон начнется лишь через пару недель, после Рождества. — Он замолчал. — Вы пишете научную работу?

Я зажала телефон коленями.

— Я пишу статью о крушении «Батавии» для журнала Университета Западной Австралии. Художественный рассказ с целью оживить события.

— А, «Батавия»! История о дьяволе и глубоком синем море, — драматичным тоном добавил он. — Значит, вы историк?

Я сдержала горькую усмешку. В нашей семье историк был только один. А если бы я начала объяснять, что еще месяц назад работала учительницей старших классов, неизбежно последовали бы вопросы, отвечать на которые у меня не было сил.

— Я пишу статью... — я попыталась подыскать нужные слова, — ...в знак уважения к одному человеку.

Я проглотила болезненный ком, внезапно вставший в горле. Забавно, что я по-прежнему реагировала так на любую мелочь: горло сжималось, и становилось трудно дышать.

— Мой отец был профессором истории, — продолжила я. — Эту статью начал писать он, а мне выпало ее закончить.

Мне показалось, что я сумела сдержать эмоции, но, видимо, я ошиблась: Майк больше ни о чем не спрашивал.

— Вам повезло, — сказал он. — Я, конечно, субъективен, но острова Аброльос — это что-то.

Повезло, как же.

Папа бы сказал, что везение тут ни при чем и я совсем не случайно обнаружила его распечатанную переписку с экспертом по генеалогии. Теперь я даже не могла сказать ему, что он был прав.

— Мой отец недавно узнал, что один из пассажиров «Батавии» — мой родственник по материнской линии, — призналась я.

Майк просиял.

— Интересно. И кто же?

— Арис Янс. Помощник корабельного врача.

Майк хлопнул себя по бедру.

— Подумать только, я везу родственницу выжившего в катастрофе «Батавии»! — Он усмехнулся. — Такого у меня еще не было. Арис ведь выжил в кораблекрушении? Что вы еще узнали?

— Выжил, — я вспомнила архивные документы, которые оставил отец. — Мне мало что известно, но мы выяснили, что после крушения Арис стал практикующим врачом и женился на женщине по имени Табита.

— Ну надо же, — задумчиво произнес Майк. — Новые семейные связи всё меняют. Особенно когда речь об истории, покрытой пылью веков.

Пыль веков — это хорошо, подумала я. Я любила говорить о том, что случилось давно. Обсуждать события последних месяцев, по-прежнему причинявшие сильную боль, было намного сложнее.

Я наклонилась и, порывшись в стоявшей у ног сумке, нащупала сувенир из далекого прошлого, принадлежавший матери, которую я почти не помнила. Это был изящный серебряный футляр размером со смартфон; откидную

крышку украшала белая вставка чуть меньше двадцатичентовой монеты (теперь я знала, что это фарфоровый медальон) с нарисованным синим тюльпаном, склонившим головку вправо, как на невидимом ветру. Хотя тюльпан побледнел и расплылся по краям, отдельные лепестки можно было разглядеть до сих пор. Некоторые из них были более светлого оттенка синего; художник как будто пытался запечатлеть лучи утреннего солнца, ласкавшие бархатистую поверхность. Декоративные завитушки и два изящных листа росли из тонкого стебля; вокруг медальона вился серебряный ободок.

Папа подарил мне футляр, когда мне было двенадцать лет, и я всегда использовала его для хранения украшений — туда как раз помещались памятные вещицы, оставшиеся от мамы. Из слов отца у меня сложилось впечатление, что это ценная семейная реликвия, которую вручали старшим дочерям в материнском роду на протяжении пяти поколений.

Я показала футляр Майку, объяснила его происхождение и добавила:

— Недавно его осматривал специалист.

Футляр оценивал папин коллега из университета, специалист по серебру. Тогда я еще не знала, что отец изучал мамино семейное древо.

— Это семнадцатый век, — сказала я, — и на самом деле это футляр для хранения мелких хирургических инструментов, например ланцетов. Врачи носили его в кармане. А когда отец обнаружил связь с Арисом...

Не успела я договорить, как Майк обо всем догадался.

— Думаете, он принадлежал Арису Янсу?

Я пожала плечами.

— Похоже на то.

На самом деле я в этом не сомневалась. Но не знала, зачем взяла с собой футляр. Возможно, надеялась, что, изучая семейную историю, смогу стать ближе к матери или мне передастся хотя бы частичка ее мужества. Все детство мне рассказывали, как храбро мама сражалась с болезнью, но сама я об этом почти ничего не помнила. Мне хотелось сделать собственное открытие, которое создало бы новую, особенную связь между нами. Я даже вообразила, что на Аброльосе футляр со мной заговорит и что я, вернув его на место, навеки изменившее жизнь Ариса, смогу наконец понять его историю.

— Интересно, что кто-то не поленился его украсить, — заметил Майк.

Папин коллега не сразу определил, что украшение на крышке — медальон из делфтского фарфора. Такие медальоны пользовались большой популярностью в Нидерландах в семнадцатом веке. Но зачем кто-то решил украсить им футляр для инструментов Ариса, оставалось загадкой.

Я положила футляр на колени, а Майк задумчиво на меня посмотрел.

— Это же ваш первый визит на архипелаг? Вы что-нибудь знаете об островах или «Батавии»?

Я специализировалась на литературе эпохи романтизма, но имела общее представление о семнадцатом веке и привезла с собой много книг из папиного кабинета. За прошлую неделю прочла одну из них и пролистала другую за часовой перелет из Перта; теперь их украшал частокол неоновых стикеров-закладок.

— Не так уж много, — скромно ответила я. Майк проявил к Арису неподдельный интерес, и я догадывалась, что могу узнать от него много полезного.

— Аброльос — гряда из ста двадцати рифовых островов, — начал рассказывать он. — Они поделены на три группы. Мы держим путь к группе Валлаби.

Я подвинула серебряный футляр ближе к себе, снова открыла рюкзак, достала блокнот и погладила обложку. Хотя я уже успела заполнить заметками несколько страниц, блокнот все еще выглядел новеньким, и на миг меня охватила нелепая тоска по своей истрепанной учительской тетрадке с упражнениями.

Майк одобритительно взглянул на меня. Я щелкнула ручкой.

— На картах семнадцатого века, — продолжил он, — архипелаг назывался островами Хаутман-Аброльос — в честь голландского мореплавателя Фредерика де Хаутмана, который их открыл.

Я записала имя мореплавателя, чем заслужила одобрительный кивок Майка.

— «Батавия» же не первый корабль, потерпевший крушение в этих краях?

— И не последний, — ответил Майк. — Само название «Аброльос» — предупреждение. Происходит от португальского *abri vossos olhos* — «смотри в оба». Но в ночь крушения на это никто не обратил внимания.

Должно быть, Майк сотню раз рассказывал об этом туристам, но его звучный голос, идеальный для экскурсовода, все еще был полон энтузиазма.

— Когда торговые корабли попадали в наши ветреные широты, их обычно моментально сносило к островам

Ост-Индии, но, пока они находились между сороковой и пятидесятой широтами, в «ревуших сороковых»\*, им грозила большая опасность. Моряки семнадцатого века еще не умели высчитывать долготу на море. Корабли натывались на рифы, и — бам! — Майк выпустил руль и ударил кулаком по ладони другой руки. — Все это побережье усеяно обломками голландских судов.

— Но почему их было так много? — спросила я.

— Золотой век голландского мореплавания, — пояснил Майк. — Целые флотилии шли азиатскими торговыми маршрутами и везли груз ценностью в несколько миллионов долларов в пересчете на наши деньги. ГОК была самой могущественной торговой корпорацией того времени.

— ГОК?

— Голландская Ост-Индская компания, — ответил Майк. — *Vereenigde Oost-Indische Compagnie*, — повторил он по-нидерландски с характерным гортанным произношением и улыбнулся.

— Точно, — кивнула я.

— Ужасный язык, — добавил Майк. — Родной язык моего отца, но я его так и не выучил. Надо отхаркнуть слюну и говорить с полным ртом. Только не записывайте это.

Я незаметно улыбнулась, нацарапала в блокноте аббревиатуру ГОК и обвела ее.

---

\* «Ревущие сороковые» — пояс между 40-м и 50-м градусами южной широты, где всегда дуют сильные и устойчивые западные ветра, вызывающие сильные шторма. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

— Голландская Ост-Индская компания обладала таким могуществом, что у нее была собственная армия. Она учреждала колонии и объявляла войны врагам Голландской республики. «Батавию» построили в 1628 году; она была новейшим флагманским кораблем Ост-Индской компании. На борту находились сундуки с монетами и сокровищами, в том числе бесценной древнегреческой камеей.

— И их везли обменивать на специи.

— Именно, — ответил Майк. — Эти богатства направлялись в Батавию, голландскую колонию в Индонезии. Это современная Джакарта.

— Получается, «Батавия» плыла в Батавию?

— Выходит, так, — Майкл кивнул. — На корабле было триста сорок человек — мужчины, женщины и дети: служащие Ост-Индской компании вроде вашего предка Ариса, богатые купцы, ремесленники, солдаты. Все уехали из Нидерландов в надежде на лучшую жизнь.

— Все хотели урвать кусочек золотого века, — добавила я.

Майк кивнул.

— На «Батавии» плыл весьма разношерстный сброд. Сами увидите.

Он говорил так, словно кораблекрушение произошло неделю назад.

— От прошлого на Аброльосе никуда не деться, — он будто прочел мои мысли и тут же сменил тему. — Долго вы планируете пробыть на островах?

— Пару дней. Потом вернусь в Джералдтон.

— Там ваша семья?

Я пробормотала что-то нечленораздельное. В Джералд-тоне я никого не знала, потому и планировала остаться там на праздники.

— Рождество, — Майк покачал головой. — Не верится, что оно так скоро. Как быстро время пролетело.

— И не говорите, — согласилась я.

Я приставила телефон к стеклу и вслепую сделала снимок пейзажа; поморгала, пока фотография на экране не перестала расплываться.

— Жаль, вы не застали миграцию горбатых китов на север, в зону размножения, — заметил Майк. Сезон миграции заканчивался в декабре, и мне действительно не суждено было увидеть китов. — Кто не видел сорокатонного кита, одним хвостом выталкивающего себя из водной толщи, тот, считай, не жил! — Он помолчал и перешел к более насущным вопросам: — На Восточном Валлаби вас кто-то встретит?

— Племянник ближайшего друга моего отца, фотограф морской фауны. Хотя, кажется, это его хобби. Он приехал на Аброльос специально ради фауны. — Я не стала добавлять, что никогда раньше не встречала этого самого племянника Гарета, парня по имени Дрю.

— Значит, вы почти все время будете на острове Бикон?

Друг отца Гарет был профессором антиковедения и познакомил меня с археологом, работавшим на острове Бикон. Я сказала об этом Майку и добавила:

— Мне повезло. Я договорилась кое с кем о встрече.

*Везения не существует*, шепнул мне на ухо отцовский голос.

— Недавно я привез на остров группу ученых и историков. Неужели нашли новые скелеты?

— Да. Я проведу интервью с главным археологом.

Группой археологов и ученых руководил профессор Эван Андерсон, легенда морской археологии; раскопки велись на острове Бикон, месте массовых захоронений пассажиров «Батавии».

Я заметила под безмятежной поверхностью океана бледные белые линии, указывающие на присутствие рифов, и вздохнула с облегчением и предвкушением.

— Подлетаем?

— Уже близко.

Всего через пару минут левое крыло накренилось, и «Сессна» описала медленный широкий круг. Над зарослями кораллов, окруженных зеркально-синей водой, поднимались бледные очертания островов, тут и там виднелись белые точки — лодки.

— Что скажете, Тесс?

Я не колебалась с ответом.

— Невероятно.

Крошечные пятнышки островков в бескрайнем океане. Открывшийся нам вид был прекрасен, но навевал меланхолию. До побережья Западной Австралии оставалось всего шестьдесят километров, но казалось, что суша невероятно далеко.

Майк одобрительно улыбнулся.

— Пролетаем Утренний риф. — Он ткнул пальцем в ветровое стекло. — Видите? Вот он. Шкипер «Батавии» увидел белую линию на горизонте, но было три часа утра, и он решил, что это отражение луны. — Он оставил на стекле бледный отпечаток пальца, обозначив место на рифе, куда несколько веков назад врезался корабль.

А потом я увидела остров, узкий, как случайный мазок — он был точно сломанная спичка, с двух сторон омываемая волнами.

— Длинный остров, — сказал Майк. — Выжившие с «Батавии» называли его Тюленьим — наверное, догадываетесь почему. — Я вытянула шею для лучшего обзора, но тюленей не увидела. — А вот куда летите вы, — добавил он, когда впереди показался кусочек суши, напоминавший формой кривой молоток в кольце кораллов.

— Остров Бикон, — прошептала я.

Но микрофон усилил шепот, и Майк ответил:

— Четыреста лет назад его называли Кладбищем «Батавии».

Не самое приятное название, но точное. Сражаясь с жаждой и голодом на пустынных рифовых островах, выжившие после кораблекрушения не догадывались, какая страшная участь ждала их впереди. Будто прочитав мои мысли, Майк произнес:

— Не верится, да? Что несколько веков назад тут творились такие зверства.

Остров Бикон. Тюлений, или Длинный, остров. Восточный и Западный Валлаби. Утренний риф. Еще пару недель назад эти названия ничего для меня не значили. Теперь же, чуть больше узнав о случившемся на островах Аброльос и о том, какую роль в этом сыграл мой предок, я ощущала странное волнение.

— Катастрофы почти удалось избежать, — заметила я, рассуждая вслух. — Если бы корабль взял курс чуть дальше на восток, то проплыл бы мимо.

— Тут можно гадать бесконечно, — ответил Майк и резко пошел на снижение над Восточным Валлаби. — Через пару

минут сядем, — добавил он. — Боковой ветер слабый, посадка будет мягкой.

— Мягкая посадка — это хорошо, — сказала я. Садиться на острове шириной в два километра на взлетно-посадочную полосу из красной глины оказалось страшнее, чем взлетать.

— В этот момент я обычно желаю пассажирам приятного отдыха, а вам пожелаю удачи со статьей. — Я услышала в его голосе искреннюю доброту. — И смотрите в оба.

Нос «Сессны» резко нырнул вниз; море ринулось нам навстречу и исчезло, когда мы коснулись земли, подскочили и понеслись вперед по гравию. Я выглянула в окно — по обе стороны тянулись заросли кустарника.

Самолет замедлился, и лишь тогда я заметила, что в радостном волнении сцепила пальцы и крепко зажала в ладонях серебряный футляр. Он грел мне руки, а фарфоровый медальон впечатался в ладонь, не давая о себе забыть.

## Саския

Октябрь 1628 года

— Саския, не высовывайся из окна! — прикрикнула тетя Маргарета. — Ты же воспитанная девушка! Веди себя подобающе!

Саския в последний раз вдохнула прелую городскую сырость и опустила на сиденье кареты рядом с Тобиасом. Закрыла глаза, пытаясь навек сохранить в памяти родной амстердамский квартал, каким увидела его в последний раз, и нанизывая воспоминания друг на друга, как жемчуг на нитку. Приближаясь к порту, карета дребезжала, и в стуке колес по брусчатке Саскии слышалось: Ба-та-ви-я. Ба-та-ви-я. Ба-та...

Колесо подскочило на ухабе, и Саския открыла глаза.

Тетя Маргарета сморщила нос.

— Жаль, что нельзя сесть на корабль в гавани, — промолвила она.

— Но, мама, — начал Тобиас, — в амстердамской гавани слишком мелко, а «Батавия» — большой корабль. Помнишь, отец объяснял...

— Тише, Тобиас, — шикнула на него мать. В бледном свете зари Саскии показалось, что тетя уже устала; они

почти доехали до порта, но, прежде чем отправиться в новый мир, должны были совершить еще одно долгое путешествие. В гавани им предстояло сесть на небольшой корабль и плыть на север вдоль побережья внутреннего моря к острову Тексел, где стояла на якоре «Батавия».

Не обращая внимания на мать, Тобиас высунулся из окна и издал радостный вскрик.

— Я вижу мачты! Их много! И склады, где работал отец. Мы почти на месте.

Как только карета остановилась в гавани, он выскочил наружу.

— Смотрите, сколько кораблей! — воскликнул он. — На каком же мы поплывем к «Батавии»?

Дождаться ответа ему не хватило терпения; он бросился к лабиринту деревянных причалов. Кузен Саскии был всего на пять лет ее младше — ему исполнилось двенадцать, — но вел себя как сущий ребенок. Рядом с ним она иногда ощущала себя степенной матроной.

Тетя Маргарета вручила кучеру стювер\*, неуклюже вылезла из кареты и начала указывать, как разгружать багаж. Саския вышла последней.

В лицо ударил порыв соленого морского воздуха, к которому примешивалась вонь конского навоза и гниющих в городских каналах нечистот. Саския никогда не бывала на месте дядиной работы — складах Голландской Ост-Индской компании, но в ее воображении в стенах

---

\* Стювер — серебряная, а позже и медная монета Нидерландов и нидерландских колоний, бывшая в ходу с XV до начала XIX века.

деревянных складов витали приятные ароматы: гвоздики, мускатного ореха, чая, табака.

Окинув взглядом высокие складские здания, будто выраставшие из набережной, она заприметила в толпе незнакомку, привлекающую ее внимание. Саскии еще не приходилось видеть столь элегантной дамы: ее голубое шелковое платье расходилось складками от талии, а на плечи была накинута белая кружевная шаль, заколотая блестящей брошкой.

Даму провожали две женщины. Одна из них, постарше, молча ее обняла, по ее щекам струились слезы. Как только она отпустила даму в голубом, та вновь потянулась и прильнула к ней.

Женщина помоложе стояла в сторонке и наблюдала за происходящим, теребя загнутый край модной бобровой шляпки.

— Передай Будевину сердечный привет, сестра, — сказала она и встревоженно взглянула на пролетавшую мимо чайку. — Он хорошо устроился на Островах пряностей\*, но все-таки напомни своему мужу, что его дом — в Амстердаме.

— Да, напомни, — подхватила женщина постарше. Она отстранилась и промокнула щеки кружевной манжетой. — Надеемся скоро увидеть вас обоих дома.

— Так и будет, моя дорогая подруга, если от меня хоть что-то зависит, — ответила дама в голубом и наклонилась, чтобы в последний раз обнять женщину.

---

\* Острова пряностей — Молуккские острова в Индонезии.

Кучер помог обеим сесть в их собственную карету, и они, взмахнув вышитыми платочками, уехали.

— Прощай, Лукреция, дорогая! Мы будем скучать.

Дама в голубом послала им воздушный поцелуй. Когда карета скрылась за углом склада, она поникла, как побитый морозом цветок, потом вздохнула, расправила плечи и выпрямила спину, будто придерживаемая невидимой рукой. У Саскии сжалось сердце. Боялась ли дама в голубом отправляться в плавание в одиночку? Не любовь ли при-давала ей мужества?

А ей, Саскии, ради кого быть храброй? Она ведь осталась одна на всем белом свете. Саския прижала кончик большого пальца к медальону, висевшему на ленточке, повязанной вокруг шеи, почувствовала, как тот впился ей в кожу под лифом платья, и представила нарисованный на медальоне цветок: синий тюльпан, склонивший головку вправо на невидимом ветру.

Она не могла объяснить, что заставило ее надеть медальон. Безопаснее было бы оставить его в Амстердаме, в доме дяди и тети. Возможно, она надеялась, что медальон — символ прошлого — послужит ей талисманом и подарит мужество на пути в Ост-Индию, к неизвестному будущему.

Грохот заставил Саскию встрепенуться — она увидела молодую женщину в сером платье прислуги. Та достала из кареты обитый медью дорожный сундук и бросила его поверх другого такого же.

Дама в голубом недовольно подняла руку в перчатке.

— Званни, пожалуйста, будь осторожна.

— Виновата я, что ли, что вы их так вещами набили? — служанка сжала кулаки, уперла их в бока и добавила: — Мадам.

Званни поймала на себе пристальный взгляд Саскии и холодно на нее посмотрела. Саскии стало неловко, и она притворилась, что ее внимание внезапно привлекли двое мужчин, везущих тележку с досками на верфь Голландской Ост-Индской компании.

Служанка вернулась к своему занятию и соорудила из сундуков госпожи целую пирамиду. Когда Саския опять осмелилась посмотреть в ее сторону, наверху пирамиды что-то блеснуло: серебряный помандер\* покатился к краю и уже грозил упасть, но Саския вовремя подскочила и подставила сложенные ладони, куда и приземлился шарик, твердый и прохладный, как незрелое яблоко. Она взглянула на Званни, не зная, что лучше сделать — отдать помандер ей или просто положить его на место.

Но тут к Саскии подошла дама в голубом, распространяя вокруг себя запах духов. Ее платье источало тот же аромат, что и помандер, но только менее насыщенный: Саския уловила пряно-цветочный запах бутонов, перемешанных с бутонами гвоздики.

— Спасибо, что поймали мой помандер! — дама взяла его за позолоченное колечко. — Это очень дорогой подарок. Я бы расстроилась, если бы он повредился еще до начала путешествия.

При ближайшем рассмотрении Саския заметила, что дама обладает не только красотой, но и печальным благородством черт, которым порой наделяют нас тяготы и горе.

---

\* Помандер — металлический шарик, внутрь которого помещались ароматические вещества.

Ее лицо под шляпкой было сдержанным. Она была старше Саскии лет на десять, не более.

— Саския! — тетя Маргарета увела Тобиаса с причала и жестом подозвала племянницу.

— Тебя так зовут? Саския?

Саския с трудом выдержала взгляд дамы — голубой, яркий, как ее платье, переполненный эмоциями.

— Да, госпожа, — к Саскии вернулся дар речи. — Саския Питерс.

Подошла тетя Маргарета — ее губы сжались в угрюмую тонкую линию, черное платье развевалось за спиной, как крылья курицы-наседки.

— Простите, — дама повернулась к тете и одарила ее чарующей улыбкой. — Ваша дочь вовремя подросла и поймала мой помандер. — Она сжала в ладонях шарик и провела по нему тонкими пальцами.

Тетя Маргарета не стала ее поправлять; присев в неуклюжем реверансе, она пробормотала: «Доброе утро». Дама склонила голову, повернулась к Званни и отдала ей помандер. Служанка невозмутимо ответила:

— Пойду найду кого-нибудь, кто поможет перенести ваши вещи на корабль, госпожа Янс.

Тетя Маргарета смекнула, что любезности окончены, и подтолкнула Саскию прочь, шикнув на нее:

— Ты почему не подошла, когда я тебя звала?

— Она со мной заговорила, — объяснила Саския, — и спросила, как меня зовут.

— Такие, как мы, не разговаривают с дамами вроде госпожи Янс, — ответила тетя Маргарета. — Мы делаем реверансы, вежливо слушаем, когда к нам обращаются, и ведем

себя как невидимки. А теперь встань здесь с Тобиасом, и не шевелитесь, пока не придет время подниматься на корабль!

Саския не понимала, почему тетя Маргарета представила даму в голубом как равнодушную и надменную, в то время как самой Саскии она показалась доброй и милостивой. Госпожа Янс. Саския повторила эти слова про себя и решила никогда не называть прекрасную даму в голубом платье таким банальным именем. Для нее она будет Лукрецией.

\* \* \*

Два моряка затащили сходни на борт, ветер надул паруса, и корабль пустился в путь.

— Мы плывем на Тексел, мы плывем на Тексел! — распевал Тобиас, стоя на носу судна и раскинув руки в стороны. Маленький корабль набирал скорость. Ледяной ветер обжигал щеки Саскии и пробирал до костей. Тетя Маргарета повернулась к ветру лицом, желая напоследок взглянуть на церковные шпили Амстердама, вращающиеся паруса ветряных мельниц и силуэт колокольни церкви Вестеркерк, которая все еще была не достроена.

Саския родилась и выросла на северо-востоке, в Гронингене, в сотне километров от Амстердама, и ее прощание с городом было кратким и молчаливым. «Ты стал моим домом всего на три года, но я все равно буду скучать», — подумала она.

Корабль вышел из гавани во время прилива и направился на север вдоль берега внутреннего моря. Впереди

показался городок. Берег усеивали рыбацкие лодки, чьи мачты напоминали зимний березовый лес. Они миновали несколько городков; поднялось бледное солнце, но после нескольких часов на холоде оно совсем не грело.

За спиной у Саскии на палубе раздался голос:

— Доброе утро, преподобный. Кажется, нас не пред-  
ставили.

Голос принадлежал Лукреции, а обращалась она к группе пассажиров, собравшихся вокруг мачты. Ей ответил мужчина с взъерошенными седыми волосами, его сильный акцент выдавал южные корни.

— Преподобный Бастианс, госпожа. Ах, как приятно с вами познакомиться! — Он неловко поклонился. — Я путешествую с супругой и семьей детьми. Меня ждет место священника в Батавии.

Саския видела, как семья священника вошла на борт в Амстердаме. Они прибыли на посадку последними: пастор, его хмурая жена, четверо юношей и три девочки в одинаковых черных платьях, тенью следовавшие за братьями по сходням и похожие на молчаливых галок. Служанка Бастиансов, девушка с торчащими верхними зубами, проворно соорудила ровную пирамидку из многочисленных сундуков. Она держалась возле самой высокой из дочерей; той было не больше двадцати лет, ее медово-каштановые волосы были убраны под аккуратный чепец, а руки покровительственно лежали на плечах младших сестер — задумчивых, серьезных девочек, стоявших от нее по обе стороны.

— Позвольте представить вам нашу старшую дочь Юдит, — сказала госпожа Бастианс, по-прежнему не улыбаясь. Девушка присела в реверансе. Одного взгляда

на Юдит было достаточно, чтобы понять, что ее чепец всегда будет безукоризненно накрахмален, а ленты — завязаны крепко-накрепко. Двое сыновей Бастиансов, казавшихся старше Юдит, были бледны и походили на отца. Лицо третьего, долговязого мальчика, покрывали прыщи, а младший был ровесником Тобиаса.

Берег остался далеко, и они вышли в Северное море. Обрывки разговора Лукреции с преподобным Бастиансом и его супругой тонули в завываниях ветра. Тетя Маргарета пересекла палубу и подошла к Тобиасу. Саския встала рядом и посмотрела на горизонт.

— Саския, гляди! — Тобиас указал на точку вдалеке. — Может, это «Батавия»?

Корабль приближался. Когда они подплыли совсем близко, Саския пробормотала:

— Вот это громадина, да?

Тобиас восторженно смотрел на нос корабля, украшенный резной фигурой красного льва, устремившего на мальчика сердитый взгляд, — его ярко-желтая грива разметалась, застывшие лапы приготовились к прыжку. «Батавия» дожидалась их прибытия, как королева на троне ждет подданных на поклон. Ее окружали придворные — семь кораблей, готовых сопровождать ее на край земли. Но ни один из них не мог сравниться красотой с «Батавией», чья древесина была еще свежей, а краски — яркими.

Они подошли еще ближе. Тобиас обратил внимание на другие корабли, с которыми им предстояло плыть одной флотилией до самых островов Ост-Индии.

— Вот этот, с женской фигурой на носу, — «Дордрехт», — объяснил он. — А вот «Малыш Давид», самый маленький

корабль флотилии. И, конечно, «Сардам» — видишь желтый флаг?

Но глаза Саскии были прикованы к «Батавии». Матросы ловко раскачивались на канатах, свисавших с трех мачт, карабкались вверх и вниз по веревочным лестницам и грузили на палубу бочки, сундуки и ящики с барж, подвозивших припасы.

Тобиас пытался сосчитать амбразуры, сбился, схватил Саскию за руку и показал гаргулий, чьи разинутые пасти и безобразные выпученные глаза были вырезаны на борту судна.

Он повернулся к матери.

— Зачем здесь эти рожи?

Тетя Маргарета, кажется, его не слышала, а даже если бы и слышала, Саския заранее знала ответ: «Спроси отца». Ответ был бессмысленным, ведь дядя Беренд находился далеко, за тысячи километров.

Саския порылась в памяти и попыталась вспомнить один из дядиных напыщенных монологов о морском могуществе Голландской республики.

— Они охраняют корабль и отпугивают злых духов, — ответила она.

— Безбожное суеверие! — возразила тетя Маргарета. Оказывается, она все-таки их слушала. — Злых духов не отпугнешь безобразной рожей. Лишь Господь может побороть зло.

— Но как? И как понять, что перед тобой злой дух?

Саския задумалась, но в этот момент их корабль подплыл к «Батавии» вплотную, и предупреждающий крик

спас ее от необходимости отвечать на неудобные теологические вопросы кузена.

Матросы с «Батавии» опустили длинные канаты, к которым крепились широкая доска. Самая благородная пассажирка — Лукреция — первой встала на деревянный подъемник, расправив юбки; ее служанка поправила канаты.

— Встретимся в каюте, Званни, — спокойно, но холодно произнесла Лукреция. Званни сердито отошла в сторону.

Глядя, как Лукрецию медленно тянут вверх, тетя Маргарета страдальчески вздохнула. Она снова вздохнула, когда вслед за Лукрецией моряки подняли госпожу Бастианс. Затем, сильно побледнев, шагнула вперед: пришла ее очередь. Поскольку более благопристойного способа подняться на борт не существовало, тетя приняла свою долю с мрачным смирением, с каким всегда справлялась со всеми трудностями.

Как только тетю Маргарету начали поднимать, с борта сбросили веревочную лестницу — ее завязанные узлами концы с глухим стуком приземлились на палубу.

Один из матросов крикнул:

— Малец, карабкайся!

Тобиас схватил лестницу и полез наверх, перемахивая через переладины и игнорируя мольбы тети Маргареты дождаться платформы.

— Смотри, Вибрет, — обратилась к служанке старшая дочь Бастиансов, — лестница предназначена для слуг и простолюдинов. Поднимайся по ней и доставь наш багаж в каюту.

— Да, госпожа Юдит.

Услышав, как надменно Юдит Бастианс указывает слугам и простолюдинам на их место, Саския закипела от негодования. Она бросилась вперед и ухватилась за веревочную лестницу. Та раскачивалась и проседала под ее весом, кожаные подошвы туфель соскальзывали с узких деревянных перекладин, но даже страх падения не мог помешать переполнявшему ее чувству удовлетворения при мысли о потрясенных физиономиях трех дочерей преподобного Бастианса, которым открылся столь неподобающий вид на ее шерстяные юбки.

Саския взбиралась все выше, преодолела амбразуру — квадратное отверстие для пушечного ствола — и красно-золотую роспись на дереве. Чьи-то руки схватили ее за предплечья, потянули и затащили на нижнюю палубу. На миг она опешила, колени дрожали, она оглядывалась и пыталась собраться с духом. Ободранные о веревки ладони горели, но она этого почти не ощущала, ее переполняло незнакомое чувство ликования.

Ее несколько раз окликнула тетя Маргарета, но Саския не отзывалась на свое имя. Колочий ветер Северного моря свистел в канатах и трепал завязки чепца. Она попала в другой мир. Нет — на вершину мира.

К юго-востоку находился выход из внутреннего моря, но теперь Саския увидела, что это не море, а узкий канал, жалкий ручеек, по которому плыли игрушечные кораблики.

А вот за Текселом беспокойное свинцовое море тянулось на много километров, маня скорее выйти в путь; оно расстиралось вдоль всего западного берега до Роттердама и Гааги, переходя в Ла-Манш, за которым бушевал неистовый бурный океан.

Палубы «Батавии» возвышались друг над другом, как четыре ступени громадной золотой лестницы. Над ними нависли сосновые мачты в одеянии из канатов и свернутых парусов. Саския задрала голову и заслушалась треском дерева, криками матросов и ветром, трепавшим флаги Голландской Ост-Индской компании. В тот момент ей казалось, что нет ничего невозможного, что она способна на все, потому что очутилась на «Батавии» в этот великий и чудесный день — день, когда корабль впервые вышел в море.

— Саския! — Тетя Маргарета перешла на крик, и Саския поняла, что отмалчиваться больше нельзя.

# Содержание

|                  |            |
|------------------|------------|
| Об именах .....  | <b>9</b>   |
| 1. Тесс .....    | <b>11</b>  |
| 2. Саския .....  | <b>25</b>  |
| 3. Арис .....    | <b>38</b>  |
| 4. Тесс .....    | <b>44</b>  |
| 5. Саския .....  | <b>55</b>  |
| 6. Арис .....    | <b>69</b>  |
| 7. Тесс .....    | <b>74</b>  |
| 8. Саския .....  | <b>88</b>  |
| 9. Арис .....    | <b>104</b> |
| 10. Тесс .....   | <b>111</b> |
| 11. Саския ..... | <b>139</b> |
| 12. Арис .....   | <b>161</b> |
| 13. Тесс .....   | <b>168</b> |
| 14. Саския ..... | <b>189</b> |
| 15. Арис .....   | <b>203</b> |
| 16. Тесс .....   | <b>211</b> |
| 17. Саския ..... | <b>222</b> |
| 18. Арис .....   | <b>233</b> |

|                    |     |
|--------------------|-----|
| 19. Тесс.....      | 240 |
| 20. Саския .....   | 249 |
| 21. Арис.....      | 261 |
| 22. Тесс.....      | 273 |
| 23. Саския .....   | 281 |
| 24. Арис.....      | 290 |
| 25. Тесс.....      | 298 |
| 26. Саския .....   | 312 |
| 27. Арис.....      | 325 |
| 28. Тесс.....      | 331 |
| 29. Саския .....   | 343 |
| 30. Арис.....      | 356 |
| 31. Тесс.....      | 360 |
| 32. Саския .....   | 368 |
| 33. Арис.....      | 383 |
| 34. Тесс.....      | 393 |
| 35. Саския .....   | 401 |
| 36. Арис.....      | 413 |
| 37. Тесс.....      | 423 |
| 38. Саския .....   | 432 |
| 39. Тесс.....      | 437 |
| От автора .....    | 443 |
| Благодарности..... | 447 |